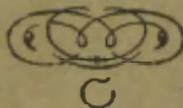

Прибалтійскіе напѣвы

Стихотворенія И. Ѳ. Генигина.

Рига, 1905 г.

Прибалтійскіе * *
* * * * напѣвы.

Стихотворенія И. В. Генигна.

Рига, 1905 г.

Дозволено цензурою. Рига, 8 апрѣля 1905 г.

Печатано въ типо-литогр. Г. Ландсберга въ Митавѣ, Католическая ул. № 7.

I.

Призывъ.

Мужайся, Русь, встрепнись для дѣлъ великихъ,
Изъ ноженъ вынь побѣдный свой кинжалъ,
Который усмирялъ враговъ отвагой дикихъ
И славу гордую неизблемо стяжалъ!
Не время днесь очага нѣгъ отрадныхъ,
Какъ въ мирный день, въ безопасности вкушать,
Когда твои поля, какъ стая галокъ жадныхъ,
Войной враги дерзнули разрушать.
Не шутку бранную затѣялъ врагъ лукавый,
Чтобъ выстрѣлами тѣшить праздный свѣтъ, —
Русь побороть задумалъ онъ со славой,
Святую Русь, ея сыновъ завѣтъ!
Мечтою бранною играя горделиво
Врагъ двинулся впередъ, и первый шагъ счастливо
Онъ на аренѣ боевъ завершилъ.
Воспрянулъ духомъ онъ и, какъ дитя, кичливо
Гордится, что удачно онъ ступилъ.
Полчища новыя на бой онъ призываетъ,
Полміра имъ въ награду обѣщаетъ,
Гордыню славы вѣчной посулилъ . . .
Воспрянь же Русь! — Востокъ объять пожаромъ,
Тамъ кровь дѣтей твоихъ на нивахъ пролилась,

И на щекѣ твоей подѣ недруга ударомъ
 Заря обиды яркая зажглась.
 Воспрянь же Русь, о великанъ уснувшій,
 И обнажи испытанный свой мечъ! —
 Огонь побѣды, для тебя на мигъ потухшій,
 Вновь вспыхнетъ средь достойныхъ тебя сѣчь.
 Всѣ силы лучшія, и помыслы, и думы
 И жизнь сыновъ твоихъ — пусть на Востокъ идутъ
 Пожаръ войны тушить съ зарницею угрюмой,
 Гдѣ гибнетъ начатый такъ пышно трудъ . . .
 О, еслибъ зовъ мой, какъ раскаты грома,
 По всеямъ твоимъ, Русь, изъ края въ край прошелъ,
 Быть можетъ онъ отъ вражьяго погрома
 Тебя къ побѣдѣ славной бы привелъ.
 Я видѣлъ бы тебя въ сіяньи новой славы,
 Съ челомъ увѣнчаннымъ побѣдой надъ врагомъ,
 Въ лучахъ цвѣтныхъ мерцалъ бы Кремль Москвы
 стоглавый,
 Гудѣлъ бы надъ Невой орудій гордый громъ, —
 И ты сыновъ своихъ встрѣчала бы достойно,
 Побѣдные сыны въ объятіяхъ твоихъ
 Забыли-бъ тяжести и муки сѣчи знойой,
 Не сожалѣли-бъ смерти товарищей своихъ: —
 Побѣда общая связала бы любовью
 Живыхъ и мертвыхъ родины бойцовъ,
 И Русь, умытая сыновъ святою кровью,
 Благословила бы маньчжурскихъ удалцовъ . . .

Гор. Рига, 27 сентября 1904 г.

Наше поколѣніе.

Не тороплюсь я жить, живу я разсуждая,
Гляжу кругомъ и взвѣшаю дѣла,
Творять что люди по міру блуждая
И спрашиваю: цѣль какая ихъ была?
Потрачены и трудъ и жизни силы
И много преиспытано страстей,
А ждетъ сомнительный покой могилы,
Прославленный упреками дѣтей.
Плодовъ же дѣлъ не видимъ и не чуемъ
И не напрасно потому мы сами негодуемъ,
Что мелочно живемъ, трудимся и желаемъ
И въ путь себя безъ идеаловъ посылаемъ.
Своей тщеты мы признаемъ постыдно,
Но воли нѣтъ безсилью побороть;
Какъ твари низнія живемъ и всѣ ехидно
Мы ублажаемъ прихотями плоть.
Духъ дремлетъ, а душа въ веригахъ цѣпенѣтъ;
Желанія высокаго огонь
Подъ пепломъ слабости довременно тускнѣтъ,
Безсилно мечется, какъ въ путахъ гордый конь.
Вступая жизнь, служа царю и трону,
Служа отечеству, равно народу своему,
Мы говоримъ: все будетъ по закону, —
Но вѣдаемъ въ себѣ заботу лишь одну: —
Устроить уголокъ подъ сѣнію родства,

Гдѣ навсегда для насъ уютная паства.
Желаній общей пользы для насъ нѣтъ.
Къ чему желать? — Въ желаньяхъ этихъ много бѣдъ
И много непосильнаго труда.
Въ дѣлахъ общественныхъ боимся мы суда
Всегласнаго и все скитаемся въ потемкахъ,
На чести и на совѣсти обломкахъ
Даемъ мы слово ближнему всегда . . .

Но грянули дѣла великихъ дней неожиданно,
На силы мощныя явило время вдругъ запросъ, —
Отечество зоветъ, но зовъ его такъ странно
Намъ рѣжетъ слухъ — и дремлетъ гордый россъ!
Мы меньше малыхъ такъ внезапно очутились
И въ слабости своей растерянно глядимъ,
Какъ дни великіе предъ нами вдругъ явились
И требуютъ, чтобъ мы служили имъ.
И тутъ не совѣстясь мы умываемъ руки,
Какъ занавѣсь, тѣнь прошлаго зовемъ
И утѣшающе среди безсилья скуки
Грядущему привѣтъ такой мы шлемъ:
Утихнутъ боли всѣ, умолкнутъ всѣ печали,
Растаетъ огорченья тяжкій ядъ;
Что мы, сыны твои, Россія, прозѣвали,
То наши внуки тебѣ возвратятъ . . .

Гор. Рига, 10 сентября 1904 г.

Встала Русь святая
Ратью угрожая, —
Врагъ ее встревожилъ,
Бранный вызовъ бросилъ.

Звонъ церковей призывный,
Духъ молитвы дивный
Русь насторожаютъ,
Къ бою приглашаютъ.

Берегись, о недругъ,
Вреденъ брани недугъ! —
Русь сильна молитвой,
Не сразима битвой.

Ой ты, врагъ лукавый,
Недругъ молодежавый! —
Ты Руси не знаешь
И не понимаешь.

Не тебѣ тягаться,
Силою мѣряться
Съ Русью въ полѣ бранномъ,
Кровью окропленномъ.

Оглянись: — былое,
Время удалое,
Русь тебѣ покажетъ,
Про нее расскажетъ.

Подъ Москвой-столицей,
Что орловъ орлица,
Русь сыновъ послала,
Съ ними побѣждала . . .

Хоть борьба въ пустынѣ,
То ли дѣло нынѣ,
Русь гдѣ возмужала,
Силы понабрала!

Нѣтъ, смирися, враже. —
Въ боѣ съ міромъ даже
Русь побѣду стяжетъ,
Костями въ полѣ ляжетъ . . .

Гор. Рига, 28 января 1904 г.

Враги Россіи да не возгордятся, —
Орель двухглавый къ нимъ направилъ бѣгъ;
Въ борьбѣ герои снова возродятся,
Забывши сонъ мертвящій сладкихъ нѣгъ.

Борясь Россія крѣпла, выростала,
Вскормила сонмъ прославленныхъ сыновъ;
Лишь въ битвахъ и въ бояхъ Русь себя узнавала,
Знакомила себя съ полчищами враговъ.

Вотще гудятъ угрозъ народовъ хоры, —
Мы смоемъ кровью вражьей свой позоръ,
Своихъ дѣтей мы усмиримъ укоры,
Лишь только укротимъ мы вражескій задоръ.

Впередъ, пойдемъ на подвигъ ратный гордо
И миръ войной мы снова водворимъ!
Пусть недруги отднесъ запоминають твердо,
Что дорогъ для нихъ миръ, что мы войной творимъ.

29 января 1904 г.

II.

Жалоба пророка.

Покинутый въ мірѣ съ пылкой душой
Я звалъ: всѣ народы идите за мной!
Сердца ихъ палилъ я небеснымъ огнемъ,
Будиль всѣхъ спящихъ тлѣющимъ сномъ.

Я съ нѣжными чувствами міръ исходилъ,
Подъ знаменемъ правды людей я училъ.
Во имя Твое, Триединный мой Богъ
Крестилъ я, давая всѣмъ духъ Твой въ залогъ.

Слова всѣ, рожденныя вѣры огнемъ,
Облилъ я палящимъ познанья лучомъ;
Въ порывѣ предъ свѣтомъ я грудь свою вскрылъ
И вѣкъ своей жизни ему подарилъ.

Я жертвенникъ, Боже, соорудилъ,
Предобразный огонь его сердцемъ теплилъ,
И душу на жертву для міра я далъ, —
Для жизни вселенной себя жертвовалъ.

Жить въ мирѣ народовъ я увѣщеваль,
Спокойствіе, дружбу я имъ завѣщаль;
Я далъ имъ любви негаснущій свѣтъ
И тайный Христа я открылъ имъ завѣтъ.

Но хладнымъ презрѣньемъ міръ встрѣтилъ меня,
Не далъ ни одинаго счастья дня,
И злобой отвѣтилъ на ласковый зовъ
И сна онъ удвоилъ туманный покровъ.

Молитвы и бдѣнья онъ презрѣлъ мои,
Забылъ онъ въ корыстныхъ заботахъ свои;
Безумствомъ познаніе вѣры назваль,
А милость Твою онъ судьбой величаль.

Ногами онъ ласки мои попиралъ
И знамя ученья въ куски изорваль;
Посыпались камни на кроткій мой слѣдъ
И съ міра исчезъ онъ какъ радуги свѣтъ.

За вѣкъ моей жизни мгновенье онъ далъ;
Сокровища сердца въ порокъ наряжалъ.
Далъ слову изъ пламени срамную дань —
Сіянье одѣлъ его въ подлую брань.

Нустѣть, о Боже, жертвенникъ Твой,
Лампаду мою потушилъ міра зной;
Не требуютъ нынче пророковъ ни жертвъ,
Жизнь всѣмъ равнодушна, всякъ въ ней полумертвъ.

Заискрились злобой народовъ умы;
Любовь исчезаетъ средь зависти тьмы.
Народы войною другъ другу грозятъ,
Нѣтъ мира, нѣтъ дружбы, враждой свѣтъ объять . .

Исполнилась воля, о Боже, Твоя!
И жизнь завершилась въ томленьяхъ моя . . .
Дорога терновая къ правдѣ ведетъ
И шель я по ней все впередъ да впередъ . . .

ЦВѢТОКЪ.

Гудѣла осенняя вьюга и гнала сѣдые туманы.
Сердито въ оврагѣ шептался угрюмый потокъ.
Увяли всѣ травы. Одинъ лишь средь мрачной поляны,
Средь листьевъ засохшихъ росъ, синій какъ небо,
ЦВѢТОКЪ.

Въ пушокъ наряженъ былъ его стебелекъ ните-
видный
И слабыя ножки таилъ онъ подъ кровомъ земли;
На небо глядѣлъ онъ головкой своей миловидной,
Невѣдая, что оно скрылось въ туманной пыли.

Онъ былъ еще молодъ, такъ молодъ цвѣтокъ былъ
лазурный! . . .
Не зналъ онъ, что вѣтеръ съ корнями дубы вырывалъ.
Что бурѣ мятежной его стебелекъ столь покорный,
Котораго воздухъ полночный къ землѣ наклонялъ! . .

Вотъ вьюга осенняя съ воемъ къ нему подступила.
Склонилъ онъ головку, пригнулъ онъ къ землѣ сте-
белекъ,
И кровь безмятежная въ тоненькихъ жилкахъ застыла,
И вспомнилъ онъ брошенный въ нѣдрахъ земли
уголокъ, —
Тамъ было все тихо, покоя и мира тамъ царство,
И сномъ безмятежнымъ и долгимъ онъ былъ окру-
женъ;

Не требуютъ битвъ тамъ, не нужны и тамъ бла-
годарства, —
Тамъ каждый собою лишь занять, въ себя погру-
жень . . .

Но смилилась вьюга: для битвъ онъ былъ слиш-
комъ безсиленъ

И страннымъ казался его запоздалый приходъ;
Красами онъ былъ, какъ не всѣ, и богатъ, и обилень,
Какъ будто вскормилъ его лѣта отраднѣйшій уходъ?!

„Цвѣтокъ безымянный! — Что ищешь ты осенью
ноздрой?“ —

Склонившись надъ нимъ, спросила холодная вьюга:—

„Природа вся дремлетъ, порою явился ты грозной,
Вѣдь знаешь, что край сей далекъ отъ знойнаго юга?“

„Нѣтъ времени солнцу съ тобою теперь заниматься,—
На югѣ въ чудесномъ краю ему много заботъ;
Сама бы хотѣла съ тобою, цвѣтокъ, я ласкаться,
Но я безъ тепла и любви, холодна какъ ледъ“.

Цвѣтокъ испугался, и тѣльце его задрожало,
И къ небу онъ поднялъ лазурью сіяющій взоръ;
Но небо подъ облакомъ сырѣмъ какъ будто дремало,
Туманомъ сырѣмъ былъ подернутъ воздушный
просторъ.

„Я свѣта искалъ, и на солнцѣ хотѣлъ я рѣзвиться“—
Цвѣтокъ отвѣчалъ и, какъ струнка, дрожалъ голо-
сокъ:—

„Мнѣ стало такъ скучно во мракѣ подземномъ
томиться,
Вѣдь тѣсенъ до смерти забытый былъ мой уголокъ.

Разказовъ о краѣ чудесномъ я слышалъ такъ много:
Мнѣ черви и жуки, копаясь, вели о немъ рѣчь;
И мысль я вскормилъ, воспиталъ ее вѣрою строгой, —
Добыться во что-бъ то ни стало съ странюю той
встрѣчь.

Я долго копался: лежалъ я въ землицѣ глубоко,
Трудъ былъ непривычный безсильнымъ моимъ
корешкамъ . . .

И въ часъ непривѣтный узрѣло сей край мое око! . . .
Коль здѣсь мнѣ не жить — умереть тогда могъ
я и тамъ! . . .“

Лишь кончилъ онъ слово, — взгудѣла, завыла
вдругъ вьюга;
Цвѣтокъ наклонился, взбирался на путь его духъ;
Витали надъ нимъ ужъ и смерть и предсмерт-
ная скука,
Но голосъ чудесный коснулся вдругъ осени слухъ:

„Цвѣтка не губи ты! — Подарокъ онъ неба слу-
чайный,

Какъ кладъ его долго хранила сырая земля;
И жизнь его брэнная будетъ дотолѣ здѣсь тайной,
Доволѣ на небо къ Себѣ не возьму его я“.

17 ноября 1900 года.

Нева.

Надъ Петербургомъ мгла дремала;
Въ туманѣ сѣромъ былъ онъ скрытъ.
Нева сердито воды мчала,
Лобзая хладный свой гранить.

Съ родными въ Ладогѣ простившись,
Отъ милыхъ уходя сторонъ,
Волна, по вѣтру раскатившись,
Спѣшила къ морю на поклонъ.

Журчанье водъ и пѣсни бури
Ея напутствовали бѣгъ
Къ невѣдомой морской лазури
Вдоль царствующій невскій берегъ . . .

Изъ странъ далекихъ, — окаймленныхъ
Брегами Западной Двины,
Ея водами орошенныхъ, —
Невѣ принесъ я свои сны.

И водъ державнаго теченья
Благословенья я молилъ,
Просилъ я жизни назначенья,
Просилъ для битвъ я свѣжихъ силъ . . .

Надъ Петербургомъ мгла дремала;
Въ туманѣ сѣромъ былъ онъ скрытъ.
Нева сердито воды мчала,
Лобзая хладный свой гранить.

Мольбамъ скитальца воды вняли,
Мой скромный приняли привѣтъ,
Съ залива Финскаго послали
Черезъ туманъ мнѣ свой отвѣтъ . . .

Нева, полнощная царица,
Тумановъ сѣвера дитя! —
Твой взоръ мнѣ ночью тихой снится,
День каждый съ нимъ ласкаюсь я.

Твой плескъ привѣтъ мнѣ драгоценный,
Рождаетъ онъ такъ много грезъ,
И твоихъ водъ блескъ неизмѣнный
Свѣтъ новый для меня принесъ.

5 декабря 1900 года.

Утесъ.

Мірѣ, завороженный тишью ночи,
Дремлетъ тихимъ, безмятежнымъ сномъ
И дневнымъ заботамъ нѣту мочи
Возмутить поникшаго челомъ.

Миръ. Покой. Лишь тучка дождевая
На далекій сѣверъ торопясь бѣжитъ;
Воздухъ поднебесья развѣвая
Вся волнуясь она спѣшитъ.

Далеко на сѣверѣ суровомъ
Въ сѣрой мглѣ виднѣется утесъ;
Пренебрегъ снѣговъ пушистымъ кровомъ,
Посѣдѣлымъ мхомъ онъ весь обросъ.

Онъ одинъ, снѣговъ холодныхъ бдитель,
Не смыкаетъ заиндѣвшихъ глазъ,
Какъ святыни вѣрный охранитель,
Бдитъ въ раздумьи ночью каждый часъ.

Страстный взглядъ на югъ все направляя,
Съ юга будто онъ кого-то ждетъ
И въ томленіи весь замирая
Милую къ себѣ манить, зоветъ.

И, ласкаясь, тучка дождевая
Къ великану старому спѣшить,
Теплотою юга согрѣвая
Члены мерзлые ему живить . . .

Звѣзды тихія и мѣсяцъ кроткій
Видѣли съ небесной высоты
Ихъ лобзанія на часъ короткій
И бросали съ неба имъ цвѣты . . .

До зари съ ночлега упоеній
Тучка поднялась, пустилась въ даль . . .
А вдали такъ много наслажденій,
Что прошедшаго ничуть не жаль! . . .

Пыль страстей въ утесѣ улегаеть,
И старается забыть онъ ночь,
Тучку мысленно въ даль провожаетъ,
Вздохъ одинъ не смогъ лишь превозмочь.

Лишь единый. Твердою рукою
Стеръ онъ тучки нѣжной влажный слѣдъ
И встряхнулъ неклонною главою,
Непокорнымъ встрѣтилъ солнца свѣтъ.

И лучами солнца усыпленный
Въ грезахъ онъ до вечера дремалъ,
Вечера звѣздою пробужденный —
Ночью тучку новую лобзалъ.

Февраль 1897 г.

Ручей.

Былъ вечеръ тихъ, что въ небѣ звѣздъ сіянье
И по полямъ скользившій лунный свѣтъ
Явили нѣжное въ ухахъ шептанье, —
Небесъ беззвучный слышалъ я привѣтъ.

Дремало все въ вечернемъ полусвѣтѣ;
Миръ убаюкивалъ себя въ покой.
И небо, нѣжась въ звѣздочномъ нарядѣ,
Послало сны на землю чередой.

Я шель одинъ знакомыми лугами,
Нависшую хотѣлъ разсѣять грусть.
Предъ мною вился свѣтлыми дугами
Ручей, бормоча что-то наизусть.

Струю свѣтлою въ брегахъ играя
Вдоль берега манилъ меня ручей;
И въ его волны взоры погружая
Я шель за нимъ печальный и нѣмой.

И онъ журчалъ сквозь тишину природы
Презрѣвъ и сонъ и сладостный покой;
Въ его водахъ сіяли неба своды,
Рѣзвились звѣзды съ ясною волной . . .

Хотѣлось мнѣ съ его волною слиться,
Исчезнуть съ міра средь журчащихъ водъ;
Хотѣлъ уснуть, хотѣлъ на мигъ забыться,
Желалъ укрыться отъ дневныхъ заботъ.

Я опустился средь береговъ зеленыхъ,
Искалъ пріюта у ночной водны,
У звѣздъ мерцавшихъ, въ влагѣ погруженныхъ,
И близъ лучей задумчивой луны.

Но нѣжная волна въ даль убѣгала,
Со мною не ласкалася она,
Мои мольбы всѣ хладно отвергала,
Была ихъ шопотомъ возмущена.

Постлалъ ручей дно острыми камнями;
Постель его была узка, тѣсна,
И межъ безвѣстными его берегами
Струи меня не скрыла пелена.

Я слышалъ голосъ водъ его журчащихъ,
Онъ говорилъ: о, гордый человѣкъ! —
Что возмущаешь ты въ природѣ спящихъ,
Какъ возмутилъ своей ты жизни вѣкъ?

Оставь насъ! — Не ручей тебѣ могила:
Невинна, какъ дитя, его волна;
Твоихъ грѣховъ необозрима сила, —
Спѣши ты къ морю, смоетъ ихъ оно . . .

Сентябрь 1900 г.

Двѣ звѣзды.

Я видѣлъ — звѣздочка скатилась
Съ лазурной неба высоты,
За тучкой блѣдной она скрылась,
Потухли ясные слѣды.

Я видѣлъ, какъ за ней стремилась
Звѣзда-подруга давнихъ лѣтъ
И въ мигъ къ усопшей очутилась,
Бросала ей свой яркій свѣтъ.

И надъ своей подругой милой
Зарницей вспыхнула она,
Но вдругъ незримой смерти силой
Сама была потушена . . .

На небѣ вижу я могилу, —
Въ ней двѣ звѣзды схоронены;
Жить лишь вдвоемъ имѣли силу,
Одна другой въ гробъ сведены . . .

Когда закроетъ твои очи
Навѣки смерти властный сопъ, —
Миѣ тоже жить не будетъ мочи,
Я имъ-же буду усыпленъ.

Какъ спутникъ твоей жизни вѣрный
Въ могилу лягу я съ тобой,
И токъ земли могильной мѣрный
Навѣтъ сладкій намъ покой.

На небѣ вѣрныхъ звѣздъ могила
Могилу нашу отличить
И вѣрности святая сила
Съ землею небо подружить.

Лучь.

Съ неба лучь слетѣлъ чудесный
И скитался на землѣ;
Въ полночь свѣтъ его небесный,
Какъ звѣзда, мерцалъ во мглѣ.

Искры къ небу поднимались
И, сіяя въ облакахъ,
Нѣжно на земь озирались,
Исчезали въ небесахъ

Звѣзды съ ласковой улыбкой
Посылали имъ привѣтъ
И, качаясь въ выси зыбкой,
Гулко пѣли про ихъ свѣтъ.

Желтымъ саваномъ покрывшись,
Мѣсяцъ путь имъ озарялъ,
Съ ними въ небѣ поравнившись
Ихъ за небомъ провожалъ.

Все сильнѣе разгораясь
Дивнымъ свѣтомъ лучъ блестяль,
И по міру разстилаясь
Свѣточъ былъ онъ добрыхъ дѣлъ.

Міра завершивъ скитанья
Онъ пошелъ на небо вновь
Средь земного ликованья,
Полный правды дивныхъ сновъ.

Искры, въ небѣ что блуждали,
Вновь въ себѣ онъ воплотилъ,
Хоть земнымъ онѣ блистали —
Съ небомъ онъ ихъ породнилъ . . .

Память чуднаго свѣтила
Вѣчно будетъ въ мірѣ жить.
Что оно злѣсь озарило, —
Мракъ не можетъ ужъ затмить.

Тучка.

Тучка мѣсяцъ ясный цѣловала,
Страстной грудью его прикрывала,
Отдыхомъ прервала быстрый бѣгъ —
Мѣсяцъ далъ лучистый ей ночлегъ.

Въ сладкой нѣгѣ тучка задремала,
Сказамъ мѣсяца во снѣ она внимала: —
Много тайнъ повѣдать мѣсяцъ зналъ,
Ихъ отъ милой гостыи не скрывалъ.

Зло людей коварныхъ забывая,
Мирный сонъ подругѣ навѣвая,
Про любовь вель мѣсяцъ свой рассказъ
Въ думу прошлаго весь погружась . . .

Вдругъ по небу вѣтерокъ промчался —
И струистый воздухъ закачался —
Встрѣтилъ тучку на своемъ пути
И у мѣсяца сорвалъ ее съ груди.

Торжествуя вѣтеръ легкокрылый,
Развивая въ бѣгѣ свои силы,
По лазури свѣтлой тучку несъ,
Навѣвая много буйныхъ грезъ.

И скиталась тучка по лазури
Безъ пріюта, какъ напѣвы бури,
Породнилась съ тучею съ грозой, —
Разразилась громомъ надъ землей.

Къ морю.

Море, ты дремлешь у низкаго берега,
Скрывъ свои страсти въ пучинѣ глубокой,
И безмятежная, властная нѣга
Носится зыбью надъ гладьей широкой.

Было мгновенье, —сердито ты выло,
Волны вздымало съ державною властью,
Берегъ песчаный ты водами мыло, —
Буря играла тогда твоей страстью.

Но за тревогой борьбы безлукавой,
Море, ты мирно теперь отдыхаешь,
Въ гордомъ величьи стяженною славой,
Вольно качаясь, себя утѣшаешь . . .

Море, позволь мнѣ съ тобою сдружиться! . . .
Послѣ невгодъ и злосчастій напрасныхъ
Жажду и я на мгновенье забыться,
Скрыться отъ жизненныхъ бурь ежечасныхъ . . .

Если я слабъ въ прирожденномъ безсилъи,
Море, ты властно, ты съ бурей сражалось...
Если я грустенъ, — въ стихійномъ весельи,
Слышалъ я, пѣснями ты оглашалось . . .

Море, позволь мнѣ съ тобою сродниться!...
Буду въ волнахъ я на вольномъ просторѣ,
Силой твоею хранимый, рѣзвиться
И наслаждаться, не вѣдая горя . . .

Буду съ тобою я вмѣстѣ сражаться,
Буря когда надъ тобою гуляетъ;
Буду съ тобою я въ сонъ погружаться,
Миръ когда сладкій тебя утомляетъ! . . .

Мѣсяцъ надъ землею низко свѣтитъ:
Стоитъ лишь на холмѣ взобраться тотъ —
Тамъ какъ друга онъ меня привѣтитъ,
На ночлегъ къ себѣ и заведетъ.

Мѣсяцъ ясный, мѣсяцъ серебристый! —
Другомъ я тебя давно избралъ;
Дай на мигъ нарядъ мнѣ свой лучистый,
Чтобы мѣръ собой я озарялъ.

Мѣсяцъ ясный, мѣсяцъ серебристый,
Будь ты солнцемъ, буду я луной;
Въ дружбѣ неизмѣнной, въ дружбѣ чистой
Будемъ свѣтить мѣру чередой.

Въ хороводѣ дня, въ слѣпящемъ свѣтѣ
Будешь ты цвѣточки цѣловать,
Будешь въ ароматномъ ихъ расцвѣтѣ
Соки сладострастья извлекать.

Ночью тихо я съ небесъ созвѣздныхъ
Буду ихъ росою окроплять,
Дѣтокъ ароматныхъ, дѣтокъ нѣжныхъ
Для тебя, о солнце, охранять!

И тычинки пылью я покрою,
Пестикъ влагой сочной орошу,
Осторожно свѣтя, вѣнчики закрою,
Ночью сномъ и миромъ окружу.

И всечасно, всюду угождая
Буду вѣрно я тебѣ служить,
И труды мои ты награждая, —
Будь ты солнцемъ, дай луной мнѣ быть.

III.

Соколь.

Соколь, ясный соколокъ,
Дай мнѣ свои крылья! —
Взмахъ ихъ плавеиъ и широкиъ,
Путь мой труденъ и далекиъ, —
Не имѣю силъ я.

Я помчусь къ родной странѣ
За шумящимъ моремъ,
Къ молодой моей женѣ,
Все тоскующей по мнѣ,
Угнетенной горемъ . . .

Ой-ли, соколь-соколокъ,
Помоги мнѣ сплой! —
Много предо мной дорогъ,
Ослабѣлъ я, изнемогъ, —
Не достигъ мнѣ милой . . .

Соколь крыльями взмахнулъ,
Скрылся въ поднебесьи . . .
Одиноко я вздохнулъ
И къ сырой землѣ прильнулъ —
Вѣдь не быть мнѣ въ выси . . .

Узникъ.

Ржетъ мой конь, мотаетъ гривой,
Грудь земли копытомъ бьетъ
Подъ склонившеюся ивой,
Близъ пруда зеленыхъ водъ.

Иву конь мой колыхаетъ
Шелковою поводой, —
И цвѣты она роняетъ
И поникла головой.

Вѣтерокъ выгралъ шумливо,
Вѣтви приподнялъ волной —
И взмахнулъ косматой гривой
Добрый конь, скакунъ лихой.

И въ окно моей темницы
Смотритъ онъ, мой вѣрный конь,
И изъ-подъ густой рѣсницы
Око блещетъ какъ огонь.

Кабы не тюрьма глухая,
И вокругъ, и надо мной, —
Лошадь моя удалая
Унесла-бъ меня домой.

Тамъ, на лопѣ сладкой нѣги,
Близъ невѣсты молодой,
Позабылъ-бы я навѣки
Злые умыслы людей . . .

Прелестная скука дней столь одинокихъ,
Когда ты навѣки покинешь меня,
Оставь ты мнѣ силы мечтаній глубокихъ
И праздную лѣнь беззаботнаго дня!

И память живую оставь мнѣ въ награду,
И съ чувствами сердце, и съ пѣснями грудь,
Равно и въ любви ты оставь мнѣ усладу
И гордыхъ стремленій таинственный путь.

И если тогда запирую я вольно
Съ друзьями и милой, какъ жизни богачъ, —
Прелестная скука, явись ты безболно,
Чтобъ слышалъ въ тебѣ я души моей плачь.

Средь шума, веселья друзей безразсудныхъ
Упьюсь я тоскою прошедшихъ временъ
И мигъ вождельный страданій не трудныхъ —
На праздникѣ будетъ мнѣ праздникомъ онъ . . .

Прелестная скука дней столь одинокихъ
Въ разлукѣ со мною меня навѣщай,
Чтобъ сердце средь радостей міра убогихъ
Все помнило-бъ грусти чарующій край! . . .

Раздумье прочь, отчаянье исчезни! . . .
Вернись ко мнѣ отвага юныхъ дней,
Отвага чувствовать, мечтать, желанья жизни,
Отвага подвиговъ, такъ рѣдкихъ межъ людей!

Пусть тамъ въ дали зіяетъ край могилы,
Пусть впереди бушуетъ море слезъ, —
Еще я живъ и чую еще силы
Въ себѣ для битвъ и для отрадныхъ грезъ.

Пойду впередъ я новою тропою,
Со мной надежда, вѣра и любовь,
И трудовая жизнь неустанной борьбою
Во блескѣ новомъ цѣль откроетъ вновь.

Нѣтъ, не теперь, — а впереди признанье,
И блескъ, и славы шумъ — все впереди стоитъ.
Вспомяну я въ грядущемъ какъ преданье
Все горе, муки всѣ, чѣмъ грудь теперь болить.

И потому — отчаянье исчезни,
Еще я живъ и полонъ гордыхъ силъ,
Могу служить я людямъ и отчизнѣ —
На что меня Богъ въ мѣрѣ породилъ . . .

Загудѣла надо мною
Бурею судьбина;
Меня окружила мглою,
Горестей ко мнѣ толпою
Въ домъ ввела кручина.

Подъ одеждою кручины
Жгли меня сомнѣнья,
И лицо мое въ морщины,
Мрачныя какъ дно пучины,
Одѣвали бдѣнья.

Но не выдалъ свои муки
Я излишнимъ вздохомъ:
Всѣ страданья ярой скуки,
Всѣ томленья злой разлуки
Укротилъ я смѣхомъ.

Ты, судьба, со мной не бейся,
Отступи съ повинной,
Въ полѣ чистомъ съ вѣтромъ слейся,
Иль какъ утра мгла развейся
Съ легкостью невинной!

Пусть я бѣденъ и безроденъ,
Пусть я слабъ, безсиленъ, —
Но для пѣсенъ я пригоденъ
И для жизни я свободенъ,
Страстью я обиленъ.

По міру съ вѣтромъ охотно носился бы,
Съ вѣтромъ качался бы, съ вѣтромъ струился бы,
Кончилъ бы жизнь я безъ праха какъ онъ,
Если-бъ безбренно былъ-бы рождень.

Все-же я съ тѣломъ и все во мнѣ страсти есть,
Скрыты во мнѣ всѣ людскія напасти есть,
Женщиной нѣжной я въ мірѣ рождень
И на страданья судьбой осуждёнъ.

Гдѣ тутъ небснаго, гдѣ тутъ високаго? —
Гробъ ужъ готовъ, ждетъ конца не далекаго,
Тѣло въ предсмертной тревогѣ лежитъ,
Яма могильная жадно глядитъ.

Слышится буря . . . душа съ нею просится,
Съ тѣломъ прощается, въ вихрѣ уносится . . .
Ангеломъ чистымъ на небо ушла,
Врнное тѣло закрыла земля . . .

Съ пылью надгробною вѣтеръ ласкается: —
Съ ней поднимается, съ ней опускается . . .
Вѣтеръ, развѣй-ка могильный мой слѣдъ,
Чтобы скорѣе забылъ меня свѣтъ!

Скука ли жизни, иль смерти то скука, —
Богъ вѣсть, но грустью объята вся грудь,
Душу терзаетъ холодная мука,
Тѣнью закрыла мой жизненный путь.

Скрылась надежда, исчезли желанья
И догораетъ лучъ вѣры моей;
Тщетны о прошломъ мои воспоминанья,
Нѣтъ разгаданія будущихъ дней.

Гдѣ ты, о доля безъ мукъ и страданій?
Гдѣ ты, о счастье несчастныхъ людей?
Съ вѣрой ли чистой на полѣ мечтаній
Я съ тобой встрѣчусь съ тоскою моей?

Или безъ счастья на свѣтъ я родился,
Чтобы со смертію жизнь свою слить,
Чтобы, какъ только я Богу молился,
Адъ мои просьбы всѣ могъ заглушить?

Если такая моя ты, судьбина, —
Скройся со мною въ могилѣ тогда:
Тамъ ты увидишь во мнѣ господина
И покорись уже навсегда . . .

Пѣсня.

Гонить вѣтеръ шумный тучи
Изъ чужихъ далекихъ странъ —
Высоко плыветь дремучій
Ихъ воздушный караванъ.

Словно плачемъ разставанья
Голосъ вѣтра злой гудить,
Тучекъ дальнее скитанье
Имъ онъ вѣчно коротить.

Плачь печальный, плачь унылый,
Вѣтра безпріютный плачь
Погоняетъ злобной силой
Тучекъ рой поспѣшно вскачь.

Что ни день, какъ онъ, я плачу
Грусти безысходной полнь,
Но землѣ безъ мира скачу,
Какъ по морю утлый челнъ;

По землѣ безъ мира скачу
Какъ по небу тучекъ рой,
Какъ онѣ, такъ горько плачу
Я по жизни золотой . . .

Спой-ка, вѣтеръ легкокрылый,
Пѣсню удали лихой,
Ею возроди-ка силы
Къ бою съ гордою мечтой!

Тучки въ небѣ синемъ стойте,
Не стремитесь больше въ даль,
Съ вѣтромъ вмѣстѣ пѣсню спойте,
Нѣту ничего гдѣ жаль! . . .

Но гудить уныло вѣтеръ,
Тучки мчатся спѣшно въ даль,
Тѣнь трепещетъ ихъ какъ вѣеръ,
Въ ней колышется печаль . . .

Тяжело . . . Усталъ я, утомился
Подъ ярмомъ печальнымъ бытія;
Сонъ, что въ дни безпечные мнѣ снился,
Онъ исчезъ, безъ грезъ остался я.

Тщетно память дней минувшихъ ищетъ,
Счастье выше горя гдѣ было: —
Буря по пути пройденному лишь свищетъ,
Пылью всѣ слѣды ихъ замела.

Нѣтъ прошедшаго . . . грядущаго не будетъ . . .
Поздно жить . . . но рано умирать . . .
Смерть на вѣки жизнь мою осудить,
Хоть лишь мигъ дано ее ласкать . . .

Повернись въ обратную дорогу,
Жизнь, стоящая у дѣдовскихъ могилъ! —
Можетъ быть съ тобой верну я много,
Все, что Богъ съ тобой мнѣ подарилъ . . .

Вновь одѣлось солнце въ тучи
И померкъ отрадный блескъ;
Вѣтеръ пролетѣлъ могучій,
Разбудилъ онъ моря плескъ.

Пусть бы вѣтеръ, пусть бы тучи,
Пусть бы моря бранный шумъ: —
Бой стихій всемогучей
Не встревожить моихъ думъ.

Лишь бы ты, судьба, съ бѣдою
Не подкралася ко мнѣ: —
Я закатною звѣздою
Не сгорѣлъ бы какъ въ огнѣ . . .

Эхъ, кручина роковая,
Отступиися, отвяжись! . . .
Воля жизни удалая
Милой гостьей появиись! . . .

Снаряжу челнокъ я скорый,
Въ море синее пушусь,
Въ шумѣ волнъ и воѣ бури
Пиромъ жизни наслажусь . . .

Какъ полночи тѣнь брожу я безъ шороха, шума;
Зловѣщую тѣнь наводитъ зловѣщая дума.

А въ сердцѣ и скучно, и грустно, въ груди ему
душно,

И плачетъ оно, что ввѣрилось жизни оно просто-
душно.

Какъ полночи тѣнь брожу я безъ шороха, шума;
Зловѣщую тѣнь наводитъ зловѣщая дума.

Предчувствіе злое убило мои всѣ надежды,
А люди кругомъ такъ холодны, участія чужды.

Къ чему я стремился, чего я искалъ такъ безумно?
Чего я желаю и что такъ скитаюсь бездомно?—
Не нужно тебя, безъ тебя всѣ довольны, счастливы,
Напрасны мольбы, задушевные тщетны призывы.

Изъ струнъ слишкомъ тонкихъ соткали для битвъ
мое тѣло;

Люблю безгранично, желаньямъ даюсь слишкомъ
смѣло;

Смѣшалъ я сомнѣнье съ надеждою неосторожно,
Забывъ, что на мигъ полюбить, презирать невоз-
можно . . .

Питаюсь я духомъ и жить я желаю безъ хлѣба;
Земное дитя, я желаю быть ангеломъ неба . . .

Но небо далеко и всѣ благородныя страсти
Земля подчиняетъ своей необузданной власти

Сердечной муки зной горючій
Жизнь безотрадную гнететь,
Крови токъ страстной и могучей
По жиламъ безпокойно шлеть.

Слезой несчастья плачуть очи,
Грудь дышетъ въ боляхъ тяжело . . .
Страшусь не жить, но жить нѣтъ мочи . . .
Зову добро, но слышитъ зло . . .

Хоть ты, о вѣтеръ странъ холодныхъ,
Меня бы убаюкалъ въ сонъ
И средь мученій столь безплодныхъ
Прервалъ бы мой душевный стонъ!

И я уснулъ бы сномъ предвѣчнымъ,
Чуждъ жизни, но и смерти чуждъ,
Чтобъ, окруженный миромъ вѣрнымъ,
Не вѣдать больше мукъ и нуждъ . . .

Ой ли горе, злое горе,
Я самъ-другъ съ тобой живу
И по слезамъ на просторѣ
Въ кораблѣ бѣды плыву!

Кафтанишко мой въ заплацахъ,
Ноги въ рванныхъ сапогахъ;
Сплю себѣ въ ночлежныхъ хатахъ,
Днемъ я маюсь на кускахъ.

Черствый хлѣбъ, глотокъ водицы,
Соли яркое зерно
И подъ случай взоръ дѣвицы —
Вотъ богатство все мое...

Ой ли горе, злое горе,
Я самъ-другъ съ тобой живу
И по слезамъ на просторѣ
Въ кораблѣ бѣды плыву! . . .

Мятежны и буйны, какъ волны на морѣ,
Гонимыя бурей злой,
Несутся, рожденныя въ сумрачномъ горѣ,
Печальныя думы надъ мной.

Несутся . . . Въ груди моей душно и скучно
И очи мутятся слезой,
И тлѣетъ желаніе собственноручно
Жизнь кончить въ тоскѣ роковой . . .

Тоска роковая — кинжалъ наостренный, —
Въ ней чую я смерти полеть,
На жизнь мою бѣдную онъ наведенный,
Какъ струнку ея разсѣчетъ.

Пусть лопнетъ струна моей жизненной скрипки:
Я слишкомъ ее натянулъ;
Пусть учать мои молодя ошибки,
Что вреденъ стремленій разгулъ . . .

Пусть лопнетъ струна моей жизненной скрипки:—
Всѣ звуки почти я извлекъ;
Пусть учать мои молодя ошибки,
Что скверный каратель есть рокъ . . .

Розы бѣлыя и розы красныя,
Зори облачныя, зори ясныя —
Жизни одинокой спутники мои,
Съ вамп провожалъ я молодости дни! . . .

Утро жизни свѣтло возгоралося,
Но о полдень гроза разгулялася;
Что въ мечтахъ живыхъ цвѣло и думалось —
Жизни истина надъ всѣмъ тѣмъ понадглумилась . . .

За весной и лѣтомъ — осень съ тучею,
А за ней идетъ зима со стужею . . .
Потеряло сердце молодости спѣсь,
Жизнь стоитъ нагая, какъ осенній лѣсъ.

Розы бѣлыя и розы красныя
Отцвѣли, красавицы прекрасныя,
Зорька алая за тучею горить,
Вечерь моей жизни тамъ ея не зрить . . .

Задвѣтутъ надъ мною розы алыя,
Когда будутъ щеки мои впалыя
Во гробу-могилкѣ навѣки лежать . . .
Будеть въ небѣ зорька и тогда играть . . .

Въ тяжелый часъ.

Сердце холодно . . . грусны всѣ думы . . .
Дни моей жизни печальны, угрюмы . . .
Тухнетъ души вдохновенія жаръ
И пѣснопѣнья скрывается даръ.
Таесть борьба въ безысходной заботѣ . . .
Рухнетъ стремленіе съ волею смѣлой;
Грустна работа въ душевной невзгодѣ,
Плачетъ душа въ своей непогодѣ,
Тщетно томится по вѣрѣ созрѣлой:
Всюду находить сомнѣнья, тревоги,
Всѣ поискривлены правды дороги.
Хоть бы таилось въ страстяхъ утѣшенье! —
Нѣтъ, — скоротеченъ ихъ сладкій недугъ,
Какъ провѣряетъ разсудокъ ихъ вдругъ —
Пусто, ничтожно ихъ наслажденье,
Жизни утраченной нѣтъ награжденья,
Нѣтъ даже стойкихъ по нихъ воспоминаній,
А ихъ похмѣлье полно волненій . . .
Все кутерьма и незрѣлыя шутки,
Жизни неспѣлыя все прибаутки . . .
Даже въ любви нѣтъ для цѣли награды,
Все лишь доходитъ до страстной улады,
О благоденствіи милыхъ предметовъ
Все мы печемся, все ищемъ совѣтовъ,
Тщетнымъ заботамъ нѣтъ здѣсь конца
И безъ побѣды нисходимъ вѣнца.

Къ Невѣ.

Закружился, завертѣлся
Надъ Невой сѣдой туманъ;
Мглою Петербургъ одѣлся,
Какъ броней великанъ.

Подъ туманомъ бѣлоснѣжнымъ
Царственно Нева плыветъ,
Плескомъ гордымъ и побѣднымъ
Морю свой привѣтъ несетъ.

Въ влагѣ царственной купаюсь,
Удали мятежной полнѣ,
Вѣтеръ, спѣшно удаляясь,
Гонить шумно стадо волнѣ.

Ропотъ волнѣ и стоны вѣтра
Въ звукъ таинственный слились,
Словно водяныя нѣдра
Съ плачемъ къ верху поднялись . . .

На гранить твой, токѣ державный,
Я склонилъ свою главу,
Слушаю твой ропотъ славный,
Твоихъ звонкихъ водѣ молву!

Бури грозныя судьбины
Возмутили мой покой,
Вскрылись предо мной пучины
Жизни, занятой бѣдой.

Грезы, сны, мечты, желанья
Быстротечныхъ юныхъ дней,
Какъ угрюмыя преданья,
Спать въ глуби души моей.

Я, какъ ты, Нева, волнуясь,
Горестныхъ предчувствій полнъ
И въ несчастьи колыхаюсь
Какъ тобой кружимый челнъ.

Но ты, въ море погружаясь,
Тамъ найдешь себѣ покой, —
Я у берега оставаясь
Буду знаться все съ тоской . . .

Токъ державный, токъ могучій, —
Захвати своей струей
Моей грусти зной горючій
И умчи къ волнамъ морей!

Пусть тамъ, въ океанѣ-морѣ,
Средь бушующихъ валовъ
Погибаетъ мое горе
Вдали отъ твоихъ береговъ.

С.-Петербургъ, 4 іюля 1901 г.

Ты со мной сберись, кручина,
Въ путь-дорогу къ радости:
Надоѣла мнѣ личина
Неприглядной горести.

Запируемъ мы на волѣ
Словно счастья богачи,
Чтобъ о прежней горькой долѣ
Новые не знали дни.

Хмѣлемъ кудри мнѣ завьются,
Очи солнцемъ заблестятъ,
Щеки кровью попалятся,
Какъ зарею загорятъ.

И увидятъ злые люди,
Что вновь счастье я вернулъ,
Что молва безъ смертной плети, —
Словно вѣтеръ, что продулъ . . .

Свой взоръ я къ небу поднимаю,
Ласкаю ясную лазурь,
Его покой я призываю
Среди своихъ житейскихъ бурь.

Лучами кроткими ласкають
Луна и звѣзды этотъ свѣтъ,
Всѣхъ блескомъ нѣжнымъ обнимають,
Меня лишь, горемыки, нѣтъ.

Душа мрачна какъ туча грома
И сердце плачетъ и болитъ . . .
Хотѣлось быть теперь мнѣ дома,
Тамъ . . . дома, гдѣ звѣзда горитъ . . .

Вотъ мчится тучка дождевая,
Рыдаетъ, плачетъ надъ землей;
Меня слезами орошая,
Она, какъ я, зоветъ покой . . .

О, слушай, тучка, слезъ горючихъ! —
Возьми меня съ собою ты:
Среди людей, какъ пыль летучихъ,
Мы оба въ мiрѣ сироты.

Я знаю край прекрасный, чудный,
Нетронутый мечтой людей,
Тамъ воздухъ чистъ, и изумрудный
Ручей катится средь полей.

Покой душистый и отрадный
Подъ пальмой юной мы найдемъ,
Тамъ мѣсяцъ въ небѣ незакатный,
Сіяютъ звѣзды тамъ и днемъ . . .

Въ даль мчится тучка, не внимаетъ
Моимъ хладнѣющимъ мольбамъ . . .
Ночь землю тихо обнимаетъ,
Одинъ брожу я по лугамъ.

Ночь.

Вѣтъ ночи тишина
Скромною струей ;
Тьма, чудесныхъ грезъ полна,
Вьется надъ землею.
Дремлетъ міръ, объятый сномъ,
Какъ сырою мглой,
И въ сіяньи голубомъ
Неба сводъ родной.

Слышу шопотъ ночи я —
Такъ ручей журчитъ ;
Слезы такъ горючія
Дѣвушка струитъ ;
Сына провожая въ даль
Такъ горюетъ мать,
Такъ отецъ свою печаль
Силится скрывать . . .

Ой, ты, ночь безлунная! —
Мало въ тебѣ тьмы :
Моя грусть безумная
Ясна предъ людьми ;
Какъ я мучился, страдалъ —
Всѣмъ открыла ты,
Свѣтъ угрюмый осмѣялъ
Моихъ слезъ слѣды.

На улицѣ.

Я по улицѣ иду —
И со мною вѣтры ходятъ,
Пѣснь унылую заводятъ,
Словно кликають бѣду.

Улица широкая,
Вольно я по ней гуляю
Свои силы утомляю
Средь ея порока я.

Я по улицѣ иду
И толпу людей встрѣчаю,
Съ болью въ сердцѣ замѣчаю,
Что порокъ всѣмъ на виду.

Золотомъ порокъ блеститъ,
Жемчугами онъ украшенъ
И онъ никому не страшенъ —
Всякъ на блескъ его летитъ.

Дѣти, малые-ребята,
Юнцы, юницы и дѣвы
Слышатъ улицы напѣвы,
Улицей ихъ мысль объята.

Старець дряхлый не святоша,
Съ улицею онъ сроднился,
Для нея живя трудился,
За нее умереть онъ тоже.

Спроса улица полна,
Тьма на ней и предложеній,
Тьму порочныхъ вождельнй
Каждому дарить она.

Я по улицѣ иду,
Подлую толпу встрѣчаю
И по взглядамъ замѣчаю
Ея жадную мечту.

Чѣмъ живетъ и тѣшится?!
Какъ тростина дольная,
Слабая, безвольная,
Въ прахѣ она нѣжится.

Топчетъ ее старь и младь,
Нѣтъ въ ней гордости, нѣтъ силъ;
Тлѣнь она изъ-подъ могилъ,
Но для улицъ милый кладъ . . .

Я по улицѣ иду
И со мною вѣтры ходять,
Вкругъ меня какъ тѣни бродять,
Плачемъ вликають бѣду.

Вѣтры четырехъ сторонъ! —
Вы съ лица земли сметите
И навѣки схороните,
Кто для улицы рожденъ.

И исчезнетъ улицъ зло,
Что всѣ гордыя стремленья,
Мира лучшія влеченья
Въ заблужденіе ввело.

Тризна.

Не сна то волшебныя грезы
Въ полночный таинственный часъ, —
Видь чудной картины пронесся,
Заря когда утромъ зажглась

* * *

Друзей моей юности шумной
Я созвалъ на тризну къ себѣ,
На тризну любви безумной,
Погибшей на жертву судьбѣ.

Закрыли мы окна и двери,
Чуждаяся солнца лучей,
И тризну сердечной потери
Справляли при блескѣ огней.

Оплакивалъ я свое горе,
Друзья мнѣ внимали толпой,
Въ ихъ дружномъ, сочувственномъ взорѣ
Мерцали слезы порой.

Безъ игръ и безъ пѣсенъ катился
Печалью объятый нашъ пиръ,
Три дня и три ночи онъ длился, —
Владѣлъ въ немъ особый свой міръ.

Въ бокалахъ тяжелыхъ блестяло,
Играя лучами, вино,
Но радовать сердце не смѣло
На тризнѣ печальной оно.

Открыли мы окна и двери
На утро лишь третьяго дня,
И міру о горькой потерѣ
Повѣдали пѣсней друзья.

Но только что звуки уныло,
Какъ слезы печали, ушли,
Видѣніе дивное всплыло
И скрылось въ туманной дали . . .

Мы видѣли дѣву младую,
Уснувшую въ черномъ гробу,
И ангеловъ стражу святую
На славу вѣчному сну . . .

Г. Рига, 31 августа 1904 г.

Ель.

Съ воемъ, плачемъ, слезнымъ стономъ
Мчится бѣлая метель,
Словно съ кладбищенскимъ звономъ,
Смертью, гнилью окруженнымъ,
Стелеть мертвецу постель.
Силой злобы оснащенный,
Завистью весь зараженный,
Вѣтеръ гнетъ младую ель;
Вѣтки нѣжныя срываетъ,
Пылю снѣжной покрываетъ,
Гонить ихъ въ пустую даль.
Ей не жаль лишиться жизни
Въ непривѣтливой отчизнѣ, —
Ели нѣжныхъ вѣтокъ жаль!
Какъ, бывало, въ часъ полночи,
Несмыкая свои очи,
Съ ними нѣжась, ихъ качая,
Въ тихій сонъ ихъ усыпляя,
Унимала ихъ печаль.
Въ утра часъ златой, бывало,
Какъ заря ихъ пробуждала
Милымъ сладостнымъ лучомъ,
Кроткимъ, легкимъ вѣтеркомъ,

Ихъ власы она чесала —
Шепчась иглы ихъ ласкала —
Мыла въ серебрѣ росы.
Небо въ зеркалѣ лазури,
Отражая доли, горы,
Отражала ихъ красы!
Разсыпаясь звонкой трелью,
Птичка, восхищаясь елью,
Укачаемая вѣткой,
Подъ ихъ листовенною клѣткою
Свила гнѣздышко себѣ,
Доброй радуясь судьбѣ.
Днемъ, бывало, въ солнца свѣтѣ,
Убрана въ надежды цвѣтѣ,
Полна вся нарядныхъ грезъ,
Воздухъ елка цѣловала,
Жарко его обнимала
Средь восторга свѣтлыхъ слезъ!
И волною гибкой страсти,
Испытая рая счастье,
Воздухъ ее окружилъ: —
Къ молодой груди прижался,
Въ бурѣ страсти колыхался,
Нѣги сладкій паръ струилъ!
Пылче ея страсти былъ онъ
И милѣй любви любилъ онъ
Не таилъ стихіи силъ:
Въ бурѣ какъ онъ былъ могучимъ,
Таеъ въ любви онъ былъ горючимъ,

Безъ закона, безъ границъ!
И въ его объятыхъ елка
Трепетала страстью долго,
Опустивши вѣтви ницъ . . .
Все торжественно и чудно,
Все въ любви такъ неподобно,
Безъ начала, безъ конца!
Льются звонкимъ строемъ пѣсни,
Ихъ напѣвы такъ чудесны,
Такъ прелестны, такъ небесны —
Не отъ брэннаго пѣвца! . . .
Ангелы вокругъ витають,
Звуки дивные ласкають
Изумруды ихъ вѣнца! . . .

Нынче что?! — Съ мятежной бурей
Прилетѣло злое горе —
Въ прахѣ снѣжномъ всѣ красы,
Скрылись золотые сны.
Съ воемъ, плачемъ слезнымъ стономъ
Мчится бѣлая метель,
Словно съ кладбищенскимъ звономъ
Смертью, гнилью окруженнымъ
Стелеть мертвецу постель . . .
Елка бѣдная трепещеть,
Словно саванъ, на ней блещеть
Снѣга хрупкаго уборъ;
Къ тѣлу вѣтки прижимаетъ —
Мать дѣтей такъ обнимаетъ

Дерзкій слушая укоръ.
Вѣтеръ свищетъ безотрадно,
Мчитъ и крутитъ мерзлый снѣгъ;
Дуновенье его хладно,
Ель терзаетъ безпощадно
Безсердечный, злой набѣгъ . . .
Тихе, тихе, вѣтеръ жадный! —
Елка слезы горько льетъ,
Часъ любви, часъ безвозвратный,
Въ твоёмъ воѣ она ждетъ . . .
Тщетны яркія надежды —
Ели больше не любить:
Чувства ея бурѣ чужды,
Мигъ лишь остается жить . . .
Вѣтеръ съ новой бранной силой
Обступаетъ шумно ель;
Какъ любовникъ старый, хилый,
Ложнострастный, ложномилый,
Злая крадется метель.
Поблѣднѣли неба своды,
Солнца скрылся слабый лучъ;
Гласъ удалой непогоды
И свободенъ и могучъ.
Завертѣлись, зашумѣли
Стаи снѣжныхъ облаковъ
И мгновенно посѣдѣли
Кудри зимня деревъ.
Елка станъ свой наклоняетъ,
Шепчетъ тихую мольбу,

Корни туго напрягаетъ,
Ими почву обнимаетъ,
Видя грозную судьбу.
Но въ верхушкѣ елки нѣжной,
Воемъ дикимъ оглашася,
Гнѣздится ужъ вихоръ снѣжный
И ударъ свой неизбѣжный
Въ грудь направилъ ей какъ разъ.
Вздрогнувъ елка зашаталась . . .
Трескъ раздался, прогремѣлъ . . .
Въ даль метелица помчалась,
Глухо бѣгъ ея гудѣлъ . . .
Съ стономъ елка въ снѣгъ упала,
Въ судорогахъ трепетала
Полна смерти лютыхъ мукъ;
Вѣтки слабымъ колыханьемъ,
Внемя вѣтра завываньямъ,
Издавали боли звукъ . . .
Но умолкъ ужъ лепетъ ели . . .
Въ снѣжной спитъ она постели,
Снѣжный спряталъ ее гробъ . . .
Смерти сонъ замкнулъ ей очи,
Гроба мракъ темнѣе ночи
И могила ей сугробъ . . .
Съ воемъ, плачемъ, слезнымъ стономъ
Мчится бѣлая метель,
Съ душнымъ кладбищенскимъ звономъ,
Смертью, гнилью окруженнымъ,
Стелетъ мертвецу постель.

Ночи вѣтерокъ, развѣй,
Ты мою тоску! —
Плачется въ груди моей,
Смутно мнѣ въ мозгу.

Вѣтерокъ бѣжитъ сквозь мракъ, —
Рѣдѣетъ темнота,
Но къ моей душѣ никакъ
Не нашель слѣда . . .

Щемить въ сердцѣ . . . ноетъ грудь . . .
Безконечно жаль! . . .
Вольно хочется вздохнуть,
Разогнать печаль . . .

Струнулося сердцу больно . . .
Поискать бы лучших дней,
Края лучшаго, гдѣ вольно
Дышетъ жизнь въ веснѣ своей.

Поищу . . . спрошу я бури,
Гдѣ та чудная страна,
Гдѣ безъ тучекъ сводъ лазури
И безъ грозъ стоитъ она.

Вѣтры буйные, скажите,
Гдѣ безбольная страна,
Къ ней дорогу укажите,
Тайной что окружена? . . .

Скачутъ вѣтры въ чистомъ полѣ,
Нѣтъ отвѣта на вопросъ . . .
Мучать мое сердце боли,
Цлачутъ очи много слезъ . . .

Р
Гоняет колоколь уныло звукъ за звукомъ
И грудь мою терзаетъ его звонъ,
И плачу я, встревоженный недугомъ
Погибшихъ думъ и грезъ былыхъ временъ.

Надъ днями юности и грезъ, и размышлений
Въ печальномъ звонѣ тризненный обрядъ
Душа открыла и среди волнений
Загадочно съ ней звуки говорятъ.

И слезы капаютъ вслѣдъ заунывнымъ звукамъ,
Но не какъ звуки улетаютъ въ даль:
У ногъ моихъ онѣ жемчужнымъ токомъ
Упали въ прахъ и ихъ топтать мнѣ жаль.

Уймитесь, слезы всѣ! — вѣдь жалобные звуки,
Что выманили васъ тоской изъ моихъ глазъ,
Васъ побросали въ прахъ у ногъ людей и муки
Терплю я новыя, страдая изъ-за васъ.

Обманчивъ каждый звукъ и слезъ онъ не достоинъ,
И если колоколь свой поднялъ мѣрный звонъ, —
Душа спокойна будь, какъ звонъ его спокоенъ,
Искусственно металломъ что рождень . . .

Спѣлъ я пѣсню, звуки приутихли,
Улетѣли безмятежно въ даль;
И не знаю, вновь вверну я ихъ ли,
Ими вновь утѣшу ли печаль?

Роза сорвана и лепестки увяли,
Разлетѣлся сладкій аромать;
Лучи солнца ее охраняли, —
Вновь ли къ жизни ее возродятъ? . . .

Спѣта пѣсня, ей не возродиться:
Звукъ, какъ жизнь, рождается лишь разъ;
И вторично розѣ не вскормиться: —
Чтобъ увянуть — она родилась . . .

Словно роза, сорванная мною,
Словно пѣсня, прерванная мной,
Сгибнетъ жизнь моя, объятая тоскою
И развѣтается какъ ароматовъ рой . . .

Мнѣ столько жаль, мнѣ столько грустно,
Что если-бъ я тебя любилъ,
Я цѣловалъ бы тебя страстно,
Въ лобзаньяхъ муки-бъ позабылъ.

Мнѣ столько жаль и сердцу больно,
Что если-бъ былъ бы я любимъ,
Нашелъ бы счастье я невольно,
Покой и миръ вернулъ бы съ нимъ.

Я не люблю . . . меня не любятъ . . .
Люблю я грусть свою какъ кладъ . . .
Пусть жизнь мою она погубить, —
Довольно въ грусти мнѣ отрадь . . .

IV.

Свиданіе.

Безмолвенъ уголь сладкой нѣги.
Я въ ожиданіи стою
И созерцаю, какъ набѣги
Свершаютъ облака въ строю.

Затмилось солнце. Лишь норою,
Покорный бѣгу своему,
Лучь пробивается струею
Сквозь облаковъ сѣдую тьму.

Стою одинъ и ожидаю . . .
Любовь велѣла ожидать . . .
Въ тревожномъ сердцѣ созидаю
Изъ чувствъ побѣдную я рать . . .

Вотъ солнце выступаетъ гордо
Изъ облаковъ, и скрылся мракъ.
Душа въ томленьи вѣритъ твердо,
Что скоро твой услышу шагъ . . .

Я жду . . . Идетъ ужъ день къ закату.
Позолотился неба сводъ . . .
Ужъ вечеръ шлетъ свою отраду
Проведшимъ день среди заботъ . . .

Вотъ сѣло солнце за горами.
Уже темно. Встаетъ туманъ
Землѣ священными чарами
Открыло небо звѣздный станъ . . .

Ты не пришла . . . Но ночь явилась
Взамѣнъ тебя, замѣнъ любви
И, словно ты, она склонилась
Къ моей тоскующей груди.

Нежданно такъ межъ нами все случилось —
Любовь, разлука и свиданье вновь,
И сердце въ накипѣвшихъ чувствахъ билось
Возвышенно и гнало шумно кровь.

Ты въ первый мигъ меня ужъ полюбила,
Но не призналась мнѣ — еще я не любилъ;
Зато когда судьба насъ разлучила, —
Ты разлюбила ужъ, влюбленъ одинъ я былъ.

И нынче, послѣ новаго свиданья,
Молюся я, чтобъ полюбила ты
Какъ въ первый мигъ, мигъ перваго страданья
Твоей души отъ сладостной мечты.

Я помню дивный мигъ любви,
Чудесную игру крови;
Онъ свѣтель былъ какъ божій день
И мраченъ какъ ночная тѣнь.

Лучъ дня волшебный догораль,
На очереди мракъ стояль,
Когда чарующей грезой
Явилась ты передо мной.

Растаяль моей грусти сонъ,
Затихъ груди призывный стонъ;
Твоя любовь и моя страсть
Открыли намъ природы власть.

И вняли мы въ ночной тиши,
Какъ лепетали камыши,
Какъ рѣчки чуткая волна
Лобзала ихъ, нечуя сна.

Свѣтилъ небесныхъ хороводъ
Кружился весель, безъ заботъ —
Блескъ звѣздъ и мѣсяца лучи
Были такъ страстны, горячи . . .

О, дивный часъ, о сладкій часъ,
Гдѣ ночь любить учила насъ! —
Ты свѣтель былъ какъ божій день
И мраченъ какъ ночная тѣнь . . .

Въ безстрастный мигъ я созерцаю скромно
Твой стройный станъ и нѣжныя черты
И взоръ очей твоихъ, сіяющій такъ томно,
Какъ будто свѣтятъ въ немъ небесныя мечты.

И вспоминаю я тогда былые годы,
Черты другія и волшебный взоръ
Очей другихъ — и прежнія заботы
Ведутъ со мной забытый разговоръ.

Встаетъ въ груди уснувшее томленье
И вереницею заботливые сны
Проходятъ предо мной рождая умиление,
Что дни прошедшіе на мигъ воскрешены.

И сознавая, что не потеряю
Прошедшаго, когда я близъ тебя,
Я въ благодарности молитву повторяю,
Что я сложилъ, и вѣря, и любя.

Моя любовь чиста какъ блескъ звѣзды,
Душиста какъ полночные цвѣты;
Моя душа въ ней свѣтитъ какъ алмазь,
Безстрастно сердце какъ въ полночный часъ.

Нѣтъ злобы въ ней, въ ней лицемѣрья нѣтъ,
Она предвѣчный неба дивный свѣтъ.
Какъ тихой рѣчки мягкая волна,
Съ тобой, мой свѣтъ, ласкается она.

О, будь довѣрчива къ моей любви! —
Она, ты видишь, не игра крови;
Въ ней говорить души моей языкъ
И гласъ ея пророчески великъ . . .

Языкъ очей.

О, чудный даръ, языкъ очей,
Не надо намъ другихъ рѣчей! —
Глаза горять и говорятъ
Два сердца милыми творять.

Разлуки мигъ, свиданья часъ
Читаемъ мы изъ нашихъ глазъ;
Чѣмъ грудь томится и болитъ —
Блескъ глазъ глазамъ то говорить . . .

Люблю я рѣчь твоихъ очей,
Понятную душѣ моей . . .
Молю тебя, о говори,
Два сердца милыми твори! . . .

Любви чудесное свѣтило,
Моей души святой разсвѣтъ,
Ты муки сердца побѣдило,
Спасло меня отъ прежнихъ бѣдъ!

Среди заботъ, среди сомнѣній
И жизнью поднятыхъ тревогъ,
Лучомъ сердечныхъ вождельній
Ты освѣщала мой порогъ.

Подъ трудовую ношей тяжелой
Быть можетъ сгинулъ бы давно
Мой гордый духъ, и плоть-бѣдняжка
И трудъ мой начатый равно.

Но ты, небесное свѣтило,
Мой часъ покоя и труда
Собой чудесно осѣнило —
И не погибъ я безъ слѣда . . .

Сіяй, гори волшебнымъ свѣтомъ
И мое сердце оживляй,
Душѣ чарующимъ привѣтомъ
Дни юности вновь воскрешай! . . .

Любовь.

Старость полюбила молодость,
Соблазнила слабую неопытность, —
Сгубла молодость безвременно,
Будто въ сердце смертно ранена.

Полюбила юность старости,
Но въ любви ей было мало радости:
До поры пришлось ей сгорѣть,
Старости нельзя было согрѣть.

Старость съ юностью слюбилися,
Для другъ друга съ міра отдѣлилися,
Но желанія другъ друга не могли узнать
И въ томленіи пришлось имъ умирать.

И
Итъ, не услышишь ты душевнаго упрека,
Когда случайно встрѣчусь я съ тобой;
Не буду я у твоего порога
Стоять, какъ нищій, съ жалобной мольбой.

Пусть разлюбила ты меня легко и скоро,
Пусть измѣнила, давши вѣрности обѣтъ, —
Я надъ тобой не молвлю приговора
И не хочу, чтобъ молвилъ его свѣтъ.

Доволенъ я души твоей смущеньемъ,
Что испытаешь ты при имени моемъ.
Назвать меня — пусть будетъ тебѣ мщеньемъ,
Покоя твоего наемнымъ палачомъ.

Вернулись страсти, вернулась любовь,
И жизнь улыбнулась — и веселья вновь:
На полѣ игриво я пѣсни пою
И въ нихъ вспоминаю тоску я свою.

За днями потерь и сердечныхъ обидъ
Явился день яркій — онъ счастьемъ облитъ,
Онъ свѣтитъ и манитъ на синюю даль
И въ немъ я кружуся — мнѣ нечего жаль . . .

Ну радуйся, юность, твоя вѣдь пора! —
Какъ явится старость — потухнетъ заря:
Вѣдь счастье безъ юности — пѣсня безъ словъ,
Безъ юности радость — дремота безъ сновъ.

Давно ужъ померкнувшимъ чувствомъ
Встрепнулась опять моя грудь
И съ тайнымъ волшебнымъ искусствомъ
Сумѣла влюбленно вздохнуть.

Явились вновь грезы, мечтанья
Какъ въ первые юности дни
И сердце согрѣли желанья
Быть счастливымъ въ новой любви.

Заботою нѣжною полный
Я милой покой стерегу:
Ласкаясь что шенчуть ей волны —
Вдали отъ нея берегу.

Весны молодой ароматы
Собралъ я ужъ съ первой зарей,
Наполнилъ я ими палаты
Царицы достойной моей.

Чтобъ счастье ея успокоить,
Я счастье свое возмutilъ;
Чтобъ нѣги дворецъ ей устроить —
Свой замокъ борьбы разрушилъ . . .

Пусть! . . . Счастье я новое чую,
Рожденное нѣжной мечтой: —
Въ немъ вижу я дѣву младую
Съ красою для міра святой.

Живой струею изъ очей
Текутъ страданья слезы;
Въ какомъ то мракѣ безъ лучей
Спятъ сны, мечты и грезы.

О чемъ я плачу и по комъ? —
Богъ вѣсть, я самъ не знаю,
Но слезы мощнымъ бьютъ ключомъ
И я ихъ не скрываю.

Есть у меня отецъ и мать
И братъ единый, кровный;
Есть много дружбъ, ихъ не назвать
Мнѣ въ этотъ часъ неровный.

Нарядна какъ цвѣтокъ весны,
Какъ мотылекъ счастлива,
Заманчива какъ счастья сны
Есть у меня и дѣва.

Ее люблю я безъ конца,
Какъ кладъ земли безцѣнный
И скоро миртъ ей для вѣнца
Куплю я неизмѣнный.

Хотѣлось бы мнѣ повидать
Отца, и мать, и брата.
Друзей къ себѣ на цирь созвать
Въ три солнечныхъ заката.

Хотѣлъ бы я теперь обнять
Невѣсту дорогую
И безконечно цѣловать
Грудь ея молодую.

Я въ блескѣ голубыхъ очей
Узрѣлъ бы отсвѣтъ рая
И лепетъ дѣвственныхъ рѣчей
Ловиль бы замирая . . .

Но я угрюмъ . . . Отца и мать,
Друзей, родного брата
Мнѣ больно въ мигъ сей обнимать,
Гдѣ грудь тоской объята.

Невѣсту молодую жаль,
Лаская, въ грусть окутать,
Поэтому свою печаль
Одинъ хочу баюкать.

Одинъ въ дали отъ дорогихъ
Уйму я свое горе ;
Какъ вѣсть моей печали, стихъ
Пошлю я сей имъ вскорѣ.

Изъ сердца грустью вылить онъ,
Дитя онъ злой разлуки,
Но мой душевный, скорбный стонъ
Онъ передасть безъ муки.

Забудь меня, забудь теперь свое желанье
Въ любви со мною безразлично жить;
Забудь отрадныя, небесныя мечтанья,
Что намъ любовь успѣла подарить.

Пусть сердцу тяжело, пускай оно страдаетъ,
Не перестанетъ оно въ мукахъ бить;
Когда вся горечь ѣдкихъ чувствъ растаетъ,
Быть можетъ, будетъ вновь оно любить.

Въ любви воскресшей тихо за стѣной забвенья
Вѣрнѣй найдешь ты счастье и покой
И вновь вернешь себѣ отрадныя мгновенья
Мечтая и любя, бывало, какъ со мной . . .

Вѣдь я любилъ тебя, но чувства сладкой нѣги
Я поборолъ забвеньемъ и тоской
И если ужъ теперь мнѣ не любить навѣки,
Но все-же я съ свободною душой . . .

Забудь и ты меня! . . . Не помнить тучка неба,
Что грѣлъ ее случайно солнца свѣтъ:
Она средь темныхъ тучъ, нависшихъ въ видѣ sklepa,
Ласкаетъ молніи погибельный разсвѣтъ.

Забудь, забудь меня . . . Бѣгъ тучки по лазури,
Быть можетъ, успокоить твою грудь
И въ ней улягутся чувствъ накипѣвшихъ бури,
И примешь ты, какъ тучка, новый путь . . .

Наше счастье.

Я радъ такъ твоему веселью,
Что въ моемъ горѣ ты нашла;
Пусть сердце все объято болью,
Веселье боль мнѣ принесла.

Въ преступномъ нѣтъ отрадь покоя,
Но, полюбивъ слегка меня,
Въ грѣхи впадаешь ты безъ боя
Моей святыни не цѣня.

Но въ моихъ мукахъ ты счастлива,
А весель въ твоёмъ счастье я
И забываю, что ревнива
Еще къ тебѣ любовь моя.

Нева и Двина.

Отъ береговъ Двины широкой
Невѣ я гордой шлю поклонъ —
И льщусь надеждою глубокой,
Что будетъ принять ею оиѣ.

Заботы міра удручаютъ
Невы гранитные брега,
Сердито волны ихъ лобзаютъ,
Кидая брызги въ облака.

Царевна дивная полміра,
Нева, льдовъ сѣвера дитя! —
Ты въ буряхъ шумныхъ ищешь мира
И негодуешь не найдя.

Мятежна власть безбрежной силы
И отдыхъ сильному — борьба;
Нѣтъ въ мірѣ для Невы могилы,
Надъ ней не властвуетъ судьба.

И потому самолюбиво
Играють волны въ берегахъ
Кругомъ кидая взоръ пытливый,
Гадая о грядущихъ дняхъ.

Ликуй! . . . Безбрежная Россія
Тебѣ послушное дитя,
И воды рѣкъ ея святыя
Тебя цѣнять, законъ блюдя . . .

Гляжу въ Двину: — волна играетъ,
Волна катится и шумить . . .
Къ тебѣ, Нева, она пылаетъ
Любовью страстной и груститъ!

И въ море дальнее катяся
Полна томленья и любви,
Тамъ ждетъ она свиданья часа,
Тамъ чуются ей счастья дни!

Гуляетъ вѣдь въ просторѣ моря
Невы шипучая волна
И для волны Двины во взорѣ
Хранить привѣтствіе она . . .

Гор. Рига, 30 апрѣля 1902 г.

Къ N. N.

Во имя дружбы мимолетной,
Обидь забытыхъ и невгодъ,
Борьбы лукавой и безплодной
И злобой вылитыхъ заботъ;
Во имя славы легкокрылой
И дѣвы мстительной, но милой,
Во имя мужа гордыхъ думъ, —
Оставьте балтовъ край злосчастный
Его судьбѣ, его сынамъ,
Двины-рѣки токъ гордый, властный
Его стариннымъ берегамъ!
Къ чему рѣчей столь бранный шумъ?
Извѣдалъ онъ въ судьбѣ превратной
Довольно войнъ кровавыхъ зной,
Вели народы многократно
Торгъ его тѣломъ и душой: —
Шведь, нѣмецъ и полякъ кичливый,
Литвинъ и древнїй славянинъ
Въ борьбѣ несчастной иль счастливой
Со славой палъ въ немъ ~~ѣ~~не одинъ!

Но полный силъ и гордой мощи
Всѣ недуги онъ перенесъ;
Дубовъ его святыхъ рощи
Теперь уже не знаютъ слезъ: —
Роса лишь кроткая мерцаетъ
Въ часъ утра ранній, золотой,
Листву густую обливаетъ
Алмазномъ жемчужной струей . . .

Мечтой нарядной и небрежной
Зачѣмъ тревожить въ этотъ часъ
Край терпѣливый и прилежный,
Который двѣль, не зная васъ! . . .
Его сыновъ святая радость
Вамъ непонятна и чужда,
Чужда вамъ грезъ ихъ дивныхъ сладость
И ихъ зловѣщая нужда.
Сынъ балтовъ — Руси добрый сынъ.
Ее какъ мать онъ уважаетъ,
Навѣки съ нею связанъ онъ,
Ея покой онъ защищаетъ —
Тѣмъ миръ его же защищенъ.
Сынъ балтовъ славенъ не одинъ.
Служа отечеству и трону,
Мы вѣрны правдѣ и закону —
Руси пась любить властелинъ . . .

Гор. Рига, 5 августа 1902 г.

Оглавленіе.

	I.	Стр.
Призывъ		3
Наше поколѣніе		5
Встала Русь святая		7
Враги Россіи да не возгордятся		9

	II.	Стр.
Жалоба пророка		11
Цвѣтокъ		14
Нева		17
Утесъ		19
Ручей		21
Двѣ звѣзды		23
Лучь		25
Тучка		27
Къ морю		29
Мѣсяцъ надъ землею низко свѣтитъ		31

Ш.

Стр.

Соколь	33
Узникъ	34
Прелестная скука дней столь одинокихъ	36
Раздумье прочь, отчаянье исчезни	37
Загудѣла надо мною	38
По міру съ вѣтромъ охотно носился бы	39
Скука ли жизни, иль смерти то скука	40
Цѣсня. Гонить вѣтеръ шумный тучи	41
Тяжело . . . Усталъ я, утомился	43
Вновь одѣлось солнце въ тучи	44
Какъ полночи тѣнь брожу я безъ шороха, шума	45
Сердечной муки зной горючій	46
Ой ли, горе, злое горе	47
Мятежны и буйны, какъ волны на морѣ	48
Розы бѣлыя и розы красныя	49
Въ тяжелый часъ	50
Къ Невѣ	51
Ты со мной сберись, кручина	53
Свой взоръ я къ небу поднимаю	54
Ночь	56
На улицѣ	57
Тризна	60
Ель	62
Ночи вѣтерокъ, развѣй	67
Сгрустнулося сердцу больно	68
Роняетъ колоколь уныло звукъ за звукомъ	69
Спѣлъ я пѣсню, звуки приутихли	70
Мнѣ столько жаль, мнѣ столько грустно	71

IV.

Стр.

Свиданіе	73
Нежданно такъ межъ нами все случилось	75
Я помню дивный мигъ любви	76
Въ бесстрастный мигъ я созерцаю скромно	77
Моя любовь чиста, какъ блескъ звѣзды	78
Языкъ очей	79
Любви чудесное свѣтило	80
Любовь	81
Нѣтъ, не услышишь ты душевнаго упрека	82
Вернулись страсти, вернулась любовь	83
Давно ужъ померкнувшимъ чувствамъ	84
Живой струею изъ очей	85
Забудь меня, забудь теперь свое желанье	87
Наше счастье	88
Нева и Двина	89
Къ N. N.	91

Цѣна 1 руб.

